

Кагами с унынием смотрит на небольшую вереницу повозок, угрюмые лица невольных переселенцев. Вдвоем не реально за всем уследить, слава всему, им в помощь подошли несколько отрядов, по большей части Учиха, немного Хьюга и по одному-два человека из других Кланов. Однако тех не подпускали близко к повозкам, он лично настоял на том, чтобы они составляли внешний круг. Да и каждые пару часов, их проверяли носители додзюцу, наученные горьким опытом, лишь чудом не потеряв Хирузена, когда тот слишком расслабился и подошел помогать упавшему ребенку. Если бы он не шагнул следом за ним... Взгляд невольно скользнул в сторону двигающей в отдалении повозки. Сару уже сутки не приходит в себя, а ведь технику применил мальчишка не старше десяти лет. Поразительная мощь, но теперь стало понятнее, почему Сумико-сама так хочет получить их в деревню.

Рука прикасается к вискам, Учиха с трудом подавляет желание с силой вдавить пальцы в глазницы. Зуд не удастся унять так просто, но это адекватная плата за увеличение сил, окончание формирования Мангеке. Да и за мысли, что теперь надавить на кучку конвоируемых будет легче. Ему мерзко осознавать, что жизнь друга он готов использовать так, получая максимум выгоды для Конохи, но в первую очередь для Учиха. Гонец с посланием и описанием ситуации уже передал все случившееся Сумико-сама. та сумеет распорядиться этой информацией максимально выгодно, а Сару... наставница описала их способности максимально полно, они сами виноваты, что не поверили в нее, посчитали себя самыми сильными.

Строгий взгляд скользит по мрачным лицам товарищей. Они не понимают, почему он запретил убивать ребенка, только немного наказал в гендзюцу, пусть и не смертельно. Его решение не одобряют, еще не зная, что этот Клан станет частью их деревни. Декорации самые подходящие, любой наблюдатель не усомнится в страхе конвоируемых и ненависти надсмотрщиков. Так надо. Этот план одобрили и старшие члены Клана Чиноики, не только Сумико-сама. Только вот тяжело играть свою роль, внимательно присматривать за всеми, каждый раз боясь что не успеешь и кто-нибудь решится пойти на прорыв, подставляя под удар все договоренности. Ну или одергивать своих, когда они случайно забудутся и вместо окрика используют грубую силу.

Усталость наваливалась с невообразимой силой, впервые Кагами задумался каково было его наставнице в первые месяцы строительства деревни, да и после. Все же именно она стала мостом между Учиха и остальными. И пусть за ней всегда маячила тень Мадары-сама, но того все это время практически не было в деревне. Все проблемы она решала сама и он только сейчас осознал насколько это должно было быть тяжело, а она тогда была еще беременной. И

пусть Кагами смутно понимал как себя должна чувствовать носящая под сердцем ребенка женщина, но вряд ли ей было проще, чем ему сейчас.

— Кагами-сан, Хирузен-сан очнулся, — рядом появился иренин оставшийся с Сарутоби. — Он просил позвать вас.

— Хорошо, — Учиха кивает, не видя в такой просьбе ничего странного. Его товарищ только кажется раздолбаем, а на деле умнее многих. И он уж точно понимает, что пострадал из-за своей глупости и Тобирама-сан об этом узнает. Сам же и расскажет, выслушивая заслуженное порицание.

В небольшом повозке-фургончике, кибитке, как ее называла при нем Сумико-сама, стоит запах трав. Не тот легкий, который пропитывает помещение, где они сушатся, а тяжелый дух, присущий местам лечения раненых, а ведь прошел всего день. Впрочем, лежащий внутри Хирузен выглядит действительно жалко. Мало того, что ему внедрил свою чакру Чиноики, успев чуть повредить чакроканалы своей странной техникой, так и еще Кагами пришлось проехаться ему по мозгам своей иллюзией, внедряя уже свою чакру для перехвата управления над чужой, собравшейся странными сгустками. Смотрелось ужасно.

— И как ты? — беглый взгляд говорил что плохо, но даже такое состояние имело свою градацию.

— Еще не подход, — слабоватая усмешка.

— Ну, будешь так подставляться, это ненадолго, — «успокоил» друга Учиха. — Что ты хотел?

— Как тот мальчишка? — пару мгновений он испепеляет взглядом Кагами, но сил у Хирузена

маловато, поэтому он прикрывает глаза и спрашивает то, что считает главным.

— Опасаешься, что по твоей вине все сорвется? — легкая издевка прослеживается в интонациях Учиха. Однако Сарутоби не ловится на эту провокацию, просто на мгновение открывает глаза, чтобы бросить на него усталый взгляд и тут же вновь их закрыть, с мученическим вздохом.

— А казался настоящим другом, — высказывание вызывает фырканье, Кагами и сам понимает, что ведет себя не очень, сказываются нервы, потраченные за целые сутки. Ему приходится быть максимально осторожным, взвалив на себя ответственность, которую должны были нести двое.

— Жив он, я не стал его убивать или калечить, даже разум оставил целым, — отвечать отчего-то тяжело, но и оставлять друга в неведение как-то нечестно. — Чинойки прячут его в центре каравана. Все идет так, как говорила наставница, мы движемся достаточно быстро, повозки полупустые, скорость даже выше расчетной, прибудем на место дня на три быстрее.

— Ты не рад? — Сарутоби легко уловил в чужом голосе недовольство.

— Отчего же? Рад, просто представляю, как и что нам придется перед ними сказать уже по прибытию, — интонации стали еще мрачнее. — Постарайся встать на ноги быстрее, я не собираюсь отдуваться в одиночку.

— Эгоист, — припечатывает парня Хирузен, но Кагами на это даже бровью не ведет, невозмутимо кивая. Шуточная перепалка возвращает ему хорошее настроение и делает жизнь чуточку проще. Больше не кажется, что он взвалил на себя неподъемную ношу. Им осталось продержаться еще неделю и они достигнут указанного места. Там они окончательно убедятся в том, что их действия верны.

Приподнятое настроение остается таковым недолго. Стоит сделать шаг за бортик фургончика, как проблемы наваливаются с новой силой. Его люди слишком озлоблены, а Чиноики чувствуют себя загнанными в угол крысами. По крайней мере взрослое поколение. Они уже не верят своим лидерам, их удерживает только страх перед алоглазыми демонами. Учиха бдят, не давая никому расслабиться, но наказывают только тех, кто действительно этого заслуживает. Иллюзии не дают осечек, да и нет среди выступающих сильных воинов. Большинство из них погибли вместе с предыдущим главой, оставшиеся — старики по меркам шиноби, именно с ними был заключен договор Сумико-сама. Они не посмеют вредить, боясь, что гордая Учиха передумает и тогда их Клан обречен.

Хирузен восстанавливается медленно, повозки идут тоже не быстро, вокруг почти не меняется ландшафт. Дорога навевает скуку и раздражение. Последнее даже сильнее, а еще иногда прослеживается злость на Сумико-сама, которая скинула проблему с переселением на него, сама уйдя в Коноху. Ему же приходится смотреть в обреченные глаза, видеть сторбленные фигуры, слышать тихие мольбы о пощаде, которые замолкают быстрее, чем ты сможешь разобрать смысл сказанного. Учиха с трудом сохранял веру в правильности поступка его наставницы. Каждый день, как испытание и он начинал сомневаться, что сможет его выдержать.

Стремительно начавшая хиреть растительность, это первые признаки приближения к Джикокудани*. Долине плохо приспособленной для жизни людей. Кагами слышал о ней от наставницы, кое-что узнал уже в пути, еще часть ему рассказали вороны, которых он отправлял на разведку. Безжизненное, полное ядовитых испарений место. Даже призывным животным там было неуютно. Шиноби должно оказаться не лучше. Однако сам себе Кагами признавал, что будь они обычными наемниками, не зная он о договоре наставницы, за время путешествия он бы возненавидел Чиноики и загнал бы их туда с превеликим удовольствием.

Их глаза слабее, чем у Учиха, но сила их пробуждается сразу. Даже маленькие дети могут принести немало неприятностей взрослым джоунинам, а главное, дети воспитаны в уверенности, что имеют на это полное право. Если Учиха учились сдерживаться, Чиноики даже не пытались. Умение повелевать своей и чужой кровью застилало взор ложным могуществом.

Они опасны, почти неуправляемы, признают только силу. Ужасное чувство, когда не знаешь, что ждать от противника. Пожалуй, если Учиха вызывают такие же чувства из-за своих глаз, он начинает понимать страхи и опасения остальных.

Носители додзюцу действительно опасны, непредсказуемы, но сам являясь таким, вырастая в окружении таких же, перестаешь видеть угрозу там, где остальные пугаются до мокрых штанов. До этого момента. Чиноики за короткую и в тоже время долгую неделю смогли полностью перекроить его восприятие мира. Впервые он воспринимает другой Клан с додзюцу, как опасный. Этого не могли добиться даже Хьюга, слишком узкоспециализированы. При равных условиях, даже с небольшим преимуществом у белоглазых, в девяносто девяти процентах случаях выиграет Учиха. С Чиноики он в этом уверен не был.

Двигаться становится сложнее, повозки начинают часто ломаться, запасных запчастей нет, последнюю приходится бросить за день пути, но Чиноики везет, что вещей у них мало (точнее, самое ценное и тяжелое еще до изгнания распихано по свиткам и запрятано от чужих глаз), их распределяют по тягловым животным и самим членам Клана. Бросают пустые подводы и идут с мрачной обреченностью вперед. Для Кагами даже становится открытием, когда он понимает, что у этих людей нет ничего кроме слова Сумико-сама. Чужой для их Клана женщины. Единственной, кто решился им что-то обещать и они из отчаяния поверили, а может не только из-за него. Только вот с каждым шагом вниз, через ядовитые испарения, вера в нее гаснет. Те кто согласился на чужие условия, держатся на остатках гордости, которая не дает им показать слабость, дать увидеть остальным их сомнения.

Их задание окончено, следящие за ними шиноби чужой страны уходят почти сразу же, как Учиха уводит Чиноики в Джигокудани. Не продержались даже получаса в густом, пахнущим железом и серой воздухе. Однако Кагами не расслабляется, упорно не давая приказа своим возвращаться и Хирузен поддерживает его в этом. Они оба ждут сигнала, какого-то знака, ведь Сумико-сама ясно говорила, что их должны будут встретить и помочь переправить усталых людей дальше. Им же даже не придется возвращаться, вдовствующая правительница заплатила заранее, сразу же и не торгуясь. Впрочем, она ничем не рисковала, репутация слишком важна в их мире, чтобы обманывать. Учиха и не собирались, выполняя все по букве заключенного контракта.

Чистая, без кусочка тумана площадка появляется внезапно. Специальный барьер, огораживающий достаточную территорию, чтобы поставить лагерь и отдохнуть, мастерски спрятанный иллюзиями, которые может увидеть не каждый Учиха. И всего два человека внутри, которые игнорируют уже влетевших внутрь Чиноики, да и Учиха, неторопливо попивая саке и поедая даже издали кажущиеся аппетитными блюда. Кагами, да и все его соклановцы с трудом сохраняют невозмутимость и продолжают выполнять свои обязанности, рассредоточиваясь вокруг конвоируемых. Парень с трудом сглатывает. Он же хотел сигнала или знака, вот и получил. Хотя чувство сюрреализма не отпускает, только становится сильнее.

— Мадара-сама, Хаширама-сама, — он подходит к удобно устроившимся на росших прямо из земли конструкциях мужчинам первым, Хирузен запаздывает на полминуты, поэтому предпочитает молча поклониться и застыть.

— Кагами, — спокойный взгляд и кивок, Хирузену же достается только взгляд. — Сарутоби.

— Как все прошло? — в противовес отстраненному Главе Клана Учиха, Сенджу прямо лучится дружелюбием. Однако взгляд, который он кидает на вставших неподалеку шиноби, остер.

— Мы смогли добраться сюда без потерь, как в вверенном нам отряде, так и в Клане Чиноики, — лаконично отзывается Кагами.

— Серьезно больных или раненых нет, но без травм не обошлось, — дополняет его слова Хирузен. — Жизни ничто не угрожает, но второй такой переход они могут не выдержать.

— Ясно, — широкая улыбка служит им ответом. Сенджу просто светится от радости, а вот Мадара эмоции друга совсем не разделяет, но и не препятствует, что уже не мало. — Тогда распорядитесь о разбивке лагеря и позовите к нам имеющих право говорить за весь Клан Чиноики.

— Сделаем, — Кагами и Хирузен отзываются почти синхронно, чувствуя огромное облегчение. Им не придется общаться с ними самим. И это правильно. Подтверждать принятие в деревню нового Клана должны не они, а те, кто действительно имеет право. Да и... теперь не им придется думать о переправе людей из этого места. Выдумывать, как пересечь эту негостеприимную долину никого не теряя, а после еще суметь выбраться с другой стороны, более крутой и непроходимой. С ирьенином такой силы это уже не кажется невыполнимо, особенно если вспомнить про Мокутон.

Продолжение следует...

Примечания:

* - Джигокудани ("Долина ада") — долина в Ю но Кuni, куда силами Учixa Ичизоку был выселен клан Чиноике. Из-за обилия токсичных веществ вокруг, долина считалась необитаемой, однако Чиноике смогли выживать там на протяжении множества лет. Незадолго до начала сериала, клан был перерезан Ояширо Эном, что обнаружил заблудший туда Хидан.

<http://tl.rulate.ru/book/54344/1389533>